

ЛИНГВИСТИКА

Каксин А. Д.

О ВВОДНЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Описываются некоторые междометия и модальные слова хантыйского языка. Это те междометия и модальные слова, которые могут выступать в качестве вводных компонентов предложения. Освещается и другой отличительный признак слов этого разряда: они выражают экспрессивность, эмоциональность, субъективную модальность. Примеры приводятся из текстов на казымском и ваховском диалектах указанного языка. По казымскому диалекту приводится также материал, записанный автором статьи.

Ключевые слова: языковая модальность, субъективная модальность, междометие, модальные слова, вводные компоненты, хантыйский язык.

Формально междометия, как и модальные слова, как специфический разряд слов, в разных языках имеют много общего. Во-первых, они не входят в состав знаменательных частей речи, как, например, имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия. В свое время еще академик В. В. Виноградов предложил многоступенчатую классификацию частей речи для русского языка, отнеся к частям речи не все слова, а лишь те, которые являются членами предложения. Наряду с системой частей речи В. В. Виноградов выделил систему частиц речи (частицы, частицы-связки, предлоги, союзы) и образующие особые структурно-семантические разряды слов: модальные слова и междометия (Виноградов, 2001: 594–624).

Во-вторых, обособленное положение междометий и модальных слов определяется тем, что очень часто они являются вводными в составе предложения или даже сами по себе выступают как предложения. Особенно это касается междометий, ведь они образуют класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 290).

Как известно, в лингвистической литературе выделяют достаточно много разновидностей модальных слов, но не все модальные слова могут быть вводными, а только те из них, что указывают на степень достоверности сообщаемого (далее приведены по разрядам слова хантыйского языка и их эквиваленты в русском языке). Итак, это общемодальные *алпа* 'видимо', *ищипа* 'вероятно', *айнъмла* 'кажется'; эмоционально-оценочные: *сорни хйтл* 'вот счастье', *сўмп пйтумльева* 'зачем-то; почему-то', *кайнараңал* 'видите ли'; привлекающие внимание собеседника, устанавливающие и поддерживающие контакт: *вантэ* 'глянь', *тыв хьланта* 'слушай сюда', *щи кўль верэвн* 'вот значит почему'; характеризующие речь, способы выражения и ход мыслей: *щохтыйн* 'как можно', *няха на вьл* 'смешно даже', *пўляңл* 'как сказать'; указывающие на источник информации: *нэи* 'оказывается', *луплат* 'говорят', *хьлтэвн* 'по слухам'.

Все перечисленные модальные слова хантыйского языка могут вводиться в конструкции, уже осложненные какой-либо модальностью:

1. *Муй ма мутшасум, икем хьлэң сүхлэлал пьсты мосал.*
'Что я заметила, мужа грязную одежду мне надо стирать'.
2. *Няң хуты, айнъмла, айт ляңхалан, ши лаварт йитат юхлы ки керлалат!*
'Ты ведь, наверное, не хочешь, чтобы вернулись эти трудные времена!'
3. *Акем ики эвалт тут куш иньсясьйлсум, тут маты мулты кашл антэ.*
'У дядюшки вот огонь выпрашивал – дать огонь что-то не желает'.
4. *Хьлэвт ищипа хўвн вьлты лора яңхты пищ вьл.*
'Завтра можно съездить на дальнее озеро'.
5. *Муй кем кўш ма лўв пилала пугартты мошитлум!*
'Да сколько я с ним могу разговаривать!'

6. Ешавёл ерга йил, тәм турны паев *мосал омасты*.
'Скоро пойдет дождь, этот стог сена нам *надо поставить*'.
7. Потум хўл, *алпа, лэты ләңхалан!*
'Мерзлую рыбу, *видимо, есть хочешь!*'
8. Вөнлтыйлты *әнт ләңхал, кәйнараңал!*
'Учиться *не хочет, видите ли!*'
9. Щи кўтн хёсла питгал артан ин ампал па щи *пурицантты вўратл*.
'Когда он перестает уговаривать, собака эта снова *кушаться стремится*' (Путрәт, 1994: 3).
10. *Нумас верас* ван кўрта лэтуга *яңхты*.
'*Задумал* он в ближнюю деревню за едой *сходить*' (Путрәт, 1994: 9).

Кроме того, что с их помощью в хантыйском языке осуществляется модальная оценка сообщения, модальные слова, очень часто являясь вводными, добавляют дополнительно эмоциональность и экспрессию всему высказыванию. И этим они сближаются с междометиями.

Несмотря на общие черты, которые проявляются в междометиях разных языков, сам набор таких слов по языкам различается. Вот, к примеру, зададимся вопросом: как вздыхает человек при разочаровании или при виде упущенной удачи? Вы скажете: «Эх», и будете, конечно, правы. Но это в русском языке «эх», а в каком-либо другом языке вовсе и не «эх», а как-то иначе. В финском языке, например, – *voi* (Финско-русско-финский словарь, 1999: 197), а в хантыйском – *вай*:

11. *Вай*, ма кәншуматы шумаемн нэмалты әнтө!
'Эх, как я что-нибудь собралась искать – ничего нет!'

Следующие междометия находим на первых страницах англо-русского словаря, и они лишний раз свидетельствуют о родстве языков, хотя, конечно, сразу заметна и разница между языками, находящимися в дальнем родстве: *ah* [ɑ:] *межд. а!*, *ax!*; *aha* [ɑ (:)'ha:] *межд. ага!*; *ahem* [ə'hem] *межд. гм!*; *alas* [ə'læs] *межд. увы!* (Современный англо-русский и русско-английский словарь, 2005: 27–29).

К этому же классу слов в хантыйском языке мы бы отнесли эмоциональные, часто ни к кому не отнесенные возгласы, нарицательные обращения типа *тәха* 'да (что); да (кто)', *кәта* 'ну-ка', *кәм* 'ну', *ән'ә* 'ана: женщина, сестра', *йбц олаң* 'сиротинушка'), проклятия и ругательства (типа *сылка* 'сволочь', *хом* 'черт побери'), а также звукоподражания (например: *пэцёх*, *пэцёх* – так горит нечто сухое):

12. *Э-э-э, тәха*, наң па хулся-са юхтум пулци-луңси ай пухие?
'Э-э-э, *да* ты откуда пришедший сопливый, слюнявый маленький мальчишка?' (Сенгепов, 1994: 125).
13. *Кәм ән'ә!* Мә типа олвынтәх тәт тәйаләм. Мә олвынтәхтам ник мөхәлим 'Ана!
У меня штаны имеются. Я свои штаны в речку опушу' (Альвы, 2005: 84–85).
14. *Кәта*, мә вәйха-кула кәңчәләм.
'*Ну-ка*, я за ним поохочусь' (Альвы, 2005: 94–95).

У каждого языка своя логика в вопросах номинации, и не только при именовании единичных объектов, т. е. при создании имен собственных (онимов), но часто и в сфере нарицательной номинации (Ланкин, 2011). В случае с хантыйским языком поразительно то, что в разных диалектах этого языка одним и тем же словом (разумеется, при вариациях фонетического облика) обозначаются порой разные денотаты (Фильченко, 2011; Потанина, 2013).

Вот, казалось бы, междометия в первую очередь должны быть одинаковыми или близкими в диалектах одного языка: ведь это не знаменательные слова, даже не служебные, а в основной своей массе звукоподражательные. Но выясняется, что в каждом диалекте некоторые междометия свои. Например, в восточных диалектах хантыйского языка встречаются междометия, которые в северных диалектах отсутствуют или звучат по-другому (т. е. образованы от других звуков и звуко сочетаний):

15. Нöң, *этьtä*, кöлэпа л'ämэхсилэвэн?
'Этьта, куда ты на долгое время исчезаешь?'

16. *Этьtä!* Мä тыхэтэ тэм äңкэл лын'тä күртэм.
'Этьта, я небесный столб устанавливать хожу' (Альвы, 2005: 10).

В примечаниях к данному тексту говорится, что *этьtä* – это обращение (Альвы, 2005: 129), но следует уточнить, что *этьtä* – это междометие-обращение, и, например, в казымском диалекте хантыйского языка такого междометия нет, но ему соответствует образованное другим способом междометие, точнее, даже два междометия, используемые в подобной ситуации:

17. *Яхата!* Муй па щäта маласлан?
'Яхата! Что там еще возишься?'

18. *Тäха*, холуплам äн вöйтлум!
'Таха, сети свои не могу найти!'

Возможно, что аналогичное соответствие в русском языке звучит следующим образом:

19. *Ну же!* Что там еще возишься?
Да вот, сети свои не могу найти!

Еще примеры различий между ваховским и казымским диалектами:

20. Ивэс тэхälä кахрэмтэвэл, т'ути ехихэн:
– *Кэши*, эт'тä, кэмэта мäнтим нöхим эвэл сät'вэл?
'С колышка мясо схватил и говорит:
– *Кэши*, этьта! Кажется, моим мясом пахнет?' (Альвы, 2005: 54–55).

В примечаниях *кэши* характеризуется как восклицание (Альвы, 2005: 133): действительно, это междометие, произносимое с восклицательной интонацией, а в казымском диалекте ему больше всего соответствует междометие *я-са* 'ну-ка, ну же':

21. *Я-са!* И муй кўльлал лутңаллат?!
'Ну-ка! И что хоть такое взрывают?!'

В данном случае хантыйское междометие (вах. *кэши*/каз. *я-са*) употребляется для привлечения внимания; в других контекстах оно используется для усиления призыва к совместному действию или обозначения долженствования:

22. *Я-са*, лув муй хурасуп хот лыпел – вантты мосл.
'Ну же, какова у него обстановка в доме – надо посмотреть' (Сенгепов, 1994: 109).

23. *Я-са*, еша рутьсялман.
'Ну-ка, немного отдохнем'.

24. *Я-са*, ин си хошумсайман, моньсь путрэмн па еллы тэлэмн.
'Ну же, теперь вот согрелись, сказку сказывать дальше будем' (Сенгепов, 1994: 111).

В примечаниях к текстам на ваховском диалекте (Альвы, 2005: 128–140) находим еще примеры междометий (расположим их по алфавиту хантыйского языка):

ай-эй – восклицание; *ана* – обращение к женщине; *икэ-э-э* – обращение к мужчине; *йо-ох*, *йо-ох!* – восклицание при боли; *йэк-ка?!* – возглас удивления; *кыньлуңк* – ругательство; *охти кэм* – восклицание; *пы-ы-ы* – звукоподражание полету комара; *пэчи-чи-най-най* – звукоподражание птице; *пэцёх*, *пэцёх* – звукоподражание огню, когда горит нечто сухое; *тик-тик-тикэрвэл* – звукоподражание быстрой ходьбе; *тэс*, *тэс* – восклицание; *тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч* – звукоподражание скрипу снега.

Примеры на использование этих междометий:

25. *Ай-эй!* Қәта эх Ал'вәли көрәл мәха көнәмтәвәл, том көрәл мәха көнәмтәвәл, тим көрәл мәха көнөмтәвәл '-*Ай-эй!*
(Она его дальше тащит). А Альвали только ногой земли касается, то одной ногой касается, то другой' (Альвы, 2005: 30–31).
26. *Ан'а!* Тәм охпыментам өхмәх вәрлимән, пәни там тәм йухә лан'л'имән.
'*Ана!* Двери своего дома совсем уменьшим, жердочками обставим' (Альвы, 2005: 88).
27. *Икэ-э-э*, чөнчам кирәхта! *Икэ-э-э*, мөхлам кирәхта! *Икэ-э-э*, мәт төхәсла! Мәтам ән'им нөха арәхтәләм, ән'им там нөха арәхтәләм.
'*Икэ-э-э*, спиной меня поверни! *Икэ-э-э*, грудью меня поверни! *Икэ-э-э*, отпусти меня! Я тебе сестру в жены отдам, сестру отдам' (Альвы, 2005: 88–89).
28. *Йө-ох*, *йө-ох*, мәнт типа ылвәлсән.
'*Йө-ох*, *йө-ох!* Меня сейчас ты убьешь' (Альвы, 2005: 106).
29. Охпы коләкә вәрсәтә:
– Кой тимтәхынә т'әхләхвәл? *Йэк-ка?*
'Двери раскрыл и спрашивает:
– Кто тут шумит? *Йэк-ка?*' (Альвы, 2005: 101).
30. *Кын'луңк*, нухләлә!
'*Кынь лунк*, садись!' (Альвы, 2005: 27).
31. *Охти қәм*, ем н'охи, н'охи литәпи мә т'уләрә йәхәм!
'*Охти кем*, славное мясо пришло, я мясо ужасно хочу!' (Альвы, 2005: 30–31).
32. *Тә-әс*, әт'тә кәта ос мөхи тәхыя тәх н'әмләкынтәсәм?
'*Тәс*, *тәс*, что это за липкое место, к чему моя рука прикоснулась?' (Альвы, 2005: 88–89).
33. Эйләнә Сәвс ики йутә сәт'вәл: "*Тәхәр-р-р пүч-пүч-пүч*, *тәхәр-р-р пүч-пүч-пүч*".
Вот, слышно, Сәвсики идет: "*Тәхәр-р-р-пуч-пуч-пуч*, *тәхәр-р-р-пуч-пуч-пуч*" (Альвы, 2005: 52–53).

Если классифицировать эти междометия, то можно видеть, что основную массу среди них составляют звукоподражания и эмоциональные возгласы. И остаются междометия, которые не входят в их число: *ана* – обращение к сестре, *икэ-э-э* – обращение к мужчине, *кыньлунк* – ругательство, уже отнесенные к междометиям. Теперь впишем в общетеоретический контекст эти и другие междометия хантыйского языка, подчеркивая (там, где оно имеется) различие между северными и восточными диалектами. Если следовать общепринятой классификации, все названные выше (и подобные) «звуковые оболочки» хантыйского языка относятся к междометиям, поскольку они обслуживают три семантические сферы речи: эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявлений, этикета (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 290).

Далее, как известно, функции эмоциональных и эмоционально-оценочных междометий могут быть семантически простыми (однозначными) и диффузными (многозначными). К семантически однозначным междометиям, выражающим по преимуществу отрицательные эмоциональные реакции (неодобрение, осуждение, насмешку, возмущение, отвращение, раздражение, испуг, опасение, презрение, горе, тоску, печаль, боль, угрозу, вызов, укор, недоверие и т. д.), относятся, например, междометия *хо-хо-хо* 'хо-хо-хо', *те* 'вот тебе на, вот так так', *най-вөрт* 'господь с тобой', *ци-ци* 'ну и ну', *ин йа* 'как бы не так', *ешак* 'поди ж ты; тьфу; увы', *йа сәр* 'ужо', *па хуты* 'упаси бог', *сыр-супр ут* 'чтоб тебя', *күль* 'черт', *кын'луңк* 'черт; смерть':

34. *Күль*, лүв па шив мәнас, сүмп пәтумлыева!
'*Черт*, и он ведь туда пошел, его там не хватало!'

35. Э-хэ-хэ! Хулся юхтум най пух вэсн, хулся юхтум вэрт пух вэсн?

‘Э-хэ-хэ! Откуда прибывший сын женщины есть, откуда прибывший сын богатыря есть?’ (Сенгепов, 1994: 159).

Междометия с семантически диффузными функциями передают общее состояние возбуждения и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний, например: *а* ‘а’, *йе* ‘ага’, *ват* ‘черт возьми’, *таха* ‘да’, *цивуйи* ‘всё, баста’, *төрүм аци* ‘батюшки; боже мой; вот это да’, *пата* ‘ишь’, *та* ‘ну’, *о-о* ‘о, ого, ой’, *вўспух* ‘с ума сойти; ужас’, *йивлап-аслап* ‘черт возьми’. В конкретном тексте то или иное из этих междометий может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость:

36. Я, си, ин-я лэвмем-ясьмем сатыл. *Ват*, ям йиңк си вэлмал.

‘Ну, вот теперь поел-попил, чувствую. *Черт возьми*, хорошая водица была’ (Сенгепов, 1994: 41).

37. *А-а*, ситэн хэс хор хэхлум лантаң Ас, ар хор хэхлум хулаң Ас си.

‘*А-а*, это и есть широкая, многоводная, богатая рыбой, множеством быков проторенная обильная Обь’ (Сенгепов, 1994: 74).

38. *Эй-я*, Лэмсь юрн хэ вэн вэрт ики кутуп пух эвалт хасюм ай пухлэңки!

‘*Эй-я*, большого богатыря ненца Ломсь, от среднего сына оставшийся мальчишка!’ (Сенгепов, 1994: 84).

В сужении и уточнении семантики таких местоимений велика роль интонации, мимики, жеста. В предложении междометие может занимать любую позицию, тяготея при этом к тому слову или словосочетанию, к которому относится по смыслу. Большие возможности для смысловых дифференциаций открывает изменение звукового облика междометий: интонационное варьирование гласных (*ай-эй* ‘ай-эй’, *ика-э* ‘ика-э’, *йо-о-о* ‘йо-о-о’), удвоение и утроение гласных и конечных слогов (*йо-ох-ох* ‘йо-ох-ох’, *а-на-на* ‘а-на-на’, *у-тё-тё-тё* ‘у-тё-тё-тё’):

39. *Эй-йэ*, ма муртэм хэ – вэлум?

‘*Эй-йо*, такой ничтожный я человек – и знаю?’ (Сенгепов, 1994: 101).

Экспрессивная значимость эмоциональных междометий может быть усилена словообразовательно (например, с помощью суффиксов субъективной оценки *-лэ*, *-лэңки* и других) и лексически (например, сложением с местоимением *наң* ‘ты’):

40. *Та-лэ*, мулты пата мосал ки тамаш картлүңк!

‘*На-ка*, если согдится тебе такой гвоздь!’

41. *Йивлап-аслап наң*, эңхан-мулн, ма манмем хэлум хатла ан йис, ин си етшас.

‘*Черт возьми тебя*, такая-сякая, я как ушел – еще три дня не прошло, только сейчас закончилось’ (Сенгепов, 1994: 92).

Эмоциональные междометия имеют свойство вступать в связи с другими словами, преимущественно – с местоимениями (*эй-я мәнэма* ‘увы мне’, *кўль наңена* ‘черт с тобой’, *ешак сорнилам* ‘батюшки мой’).

Междометия, обслуживающие сферу волеизъявлений, выражают обращенные к людям или животным команды и призывы. Значительная их часть принадлежит профессиональной речи охотников, рыбаков, строителей, военных. Общеупотребительны междометия, требующие тишины, внимания, согласия (*цич* ‘тш; тсс’, *чии* ‘чш; ш-ш’, *тю* ‘чу’, *ать* ‘чур’), побуждающие к отклику (*оу* ‘ау’, *тэй* ‘эй’, *йа-сър* ‘ась’), к осуществлению или прекращению каких-либо действий (*тўр* ‘айда’, *пурс* ‘ату’, *пир* ‘брысь; кыш; цыц’, *улс* ‘лежать’, *мәнс* ‘марш’, *та* ‘на’, *хо* ‘но; ну’, *тр-р* ‘тпру’, *лэй-лэй* ‘улю-лю’ и другие). Все эти междометия функционально близки к повелительному наклонению и обнаруживают ряд общих с ним признаков, в частности вступают в связи с местоимениями (*ать мәнты* ‘чур меня’, *лўвтты пурс* ‘ату его’, *хо нынты* ‘ну вас’, *тўр тыв* ‘айда к нам’). К императивным междометиям близки вокативные (слова-обращения, служащие для призыва или отгона животных: *кать-кать* ‘кис-кис’, *кўть-кўть* ‘куть-куть’ (щенку), *пир* ‘брысь’).

К междометиям, обслуживающим сферу этикета, относятся традиционные, в разной степени утратившие знаменательность изъявления благодарности, приветствия, извинения, пожелания, как в русском языке – «здравствуйте», «до свидания», «извините», «пожалуйста» и т. п., а в хантыйском – *ше* ‘с богом’, *йӓм нумас* ‘всего хорошего’, *мос* ‘достаточно’, *щӓхтыйн* ‘надо же’, *тӓ* ‘перестань’ и др. Слова этой группы легко развивают вторичные (экспрессивно-эмоциональные) значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возражения, нетерпения, несогласия, недоумения:

42. Нӓң, *щӓхтыйн*, па ши эвен эвалт вух вохлан!
‘Надо же, ты опять у дочери деньги просишь!’

43. Тӓ, ал пӓлма сӓри. Кӓта утӓ йӓхӓ, чӓй йӓңк вырытана.
‘Перестань, не бойся. На берег выйди, горячий чай попей’ (Альвы, 2005: 30–31).

Междометия могут функционировать как эквиваленты предложения, модальные компоненты предложения, члены предложения. К выполнению функции эквивалента предложения способны все междометия. При этом они имеют силу высказывания и характеризуются самостоятельной интонацией:

44. Э-хэ-хэй! Лӓмсь юрн вӓн вӓрт ики! Сӓры сӓмвой шӓпал вӓрт вӓн пухӓн калӓң пулуп нӓрум хӓлп, сусл веюп – вейӓн нӓлн си илпия версӓв.
‘Э-хэ-хэй! Мужчина – большой богатырь, ненец Ломсь! Богатырь Всевидящий глаз, старший твой сын, кровавым куском свалился’ (Сенгепов, 1994: 62).

К модальной функции близка функция интенсификации качественного или количественного признака. Позиция междометия при этом вариативна: оно помещается либо непосредственно перед словом, обозначающим признак, либо выносится в позицию зависимого предложения:

45. Па, *таха*, наң сепн мулты вух ан тайлан?
‘Да, ну, ты в кармане какие-нибудь деньги имеешь?’ (Сенгепов, 1994: 105).

Функция члена предложения для междометий вторична и наблюдается там, где междометие экспрессивно замещает собой ту или иную знаменательную словоформу:

46. Эт’-эт’-эт’ӓ, айя похлим, типа лахӓртах йӓс.
‘Этъта, живот мой, тяжелым стал’ (Альвы, 2005: 88–89).

47. Эй кӓрӓл пӓлӓк тик-тик-тикӓрвӓл, том кӓрӓл пӓлӓк тик-тик-тикӓрвӓл.
‘Одна нога тик-тик-делает, другая нога тик-тик-делает’ (Альвы, 2005: 94–95).

В последнем случае междометие фактически образует глагольный корень, корень сказуемого.

Итак, междометия в хантыйском языке очень близки к модальным словам, но отличаются большей категоричностью и абстрактностью, так как с их помощью можно более эмоционально выразить то или иное чувство, причем одно и то же междометие будет по-разному звучать в разных речевых ситуациях. Примеры:

48. А-ӓ, лӓв лӓваса ватӓкал!
‘А-а, он говорит вздор!’

49. Муй, *тӓха*, наң иса лӓваса путартлан?
‘Что, *черт*, ты вечно болтаешь ерунду?’

50. Вай, лын хӓвн ӓнт путрӓмалӓн кӓтна!
‘Да уж, они давно не общаются между собой!’

51. Па ши пӓңал икен рӓв пунал, *щӓхтыйн*!
‘Опять сосед бранится, *черт* возьми!’

52. *Те*, муй пӑта нӑң мӑнты арсыра нэматлэн?
'Эй ты, почему меня обзываешь?'
53. Па ши лын, *хом*, вӑрая хойсаңан!
'Опять они, *черт побери*, оскорбляют друг друга!'
54. *Мос!* Мета кӱтна агум ясаң ўвты!
'Довольно! Хватит кричать всякую ерунду!'
55. *Е-е!* Муй нӑң сора лупемалн?
'Е-е! Что ты тараторишь?'
56. Лӱв ащелн ляватгасы. *Ши!*
'Отец его отругал. *Подделом!*'
57. *Быыы*, лыв мӑнтты няврысэл!
'*Быыы*, они меня высмеяли!'
58. *Ши вӱш!* Нӑртама ал ишкатэ лывтты!
'*Чур!* Не хвали их зря!'
59. *Асса*, лӱв ма олнемм ювра ясаң тӱл!
'*Блин*, он обо мне плохо говорит!'
60. Пираш имен па ши рӱв пунал, *кӱль!*
'Старуха опять бранится, *черт!*'
61. *Ще*, ма лыкащты ӑнт питлум лӱв пелала!
'*Ну*, я не буду гневаться на нее!'
62. *Кӱй*, лӱв иса ёх олаңн йӑма путартл!
'*Ну*, он о людях всегда хорошо отзывается!'
63. *Вер*, лӱв па ши юхлы путартл!
'*Вот дела*, он опять отнекивается!'

По части примеров наблюдается регулярное вхождение междометий в состав устойчивых сочетаний и фразеологизмов, так что эти сочетания составляют особую группу, и они, как правило, имеют высокую долю экспрессии. Приведенные выше образцы разговорной речи подтверждают сказанное, а также отчетливо показывают зависимость внешней оболочки междометий от исходного набора звуков того или иного естественного языка (в данном случае – хантыйского).

Список литературы

- Альвы / Ӑл'вы: сборник фольклора ваховских ханты / сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск, 2005.
- Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 4-е изд. М., 2001.
- Ланкин В. Г. Вариантность смысла и типология культур // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 180–186.
- Елисеев Ю. С. Финско-русско-финский словарь. Сер.: «Маленькие желтые словари» от Gummerus. Jyväskylä, 1999.
- Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Потанина О. С. Проявления языковой аттриции в речи носителей восточных диалектов хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 2 (2). С. 75–83.
- Путрӑт: рассказы для чтения на хантыйском яз. (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 1994.
- Сенгепов А. М. Касум ики путрат: рассказы казымского старика на хантыйском яз. (казымский диалект). СПб., 1994.
- Сиротина Т. А. Современный англо-русский и русско-английский словарь: 100000 слов. М., 2005.

Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика восточно-хантыйских нарративов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 139–145.

Каксин А. Д., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 92, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13.03.2014.

Kaksin A. D.

ABOUT PARENTHETICAL MEANS OF EXPRESSION OF MODALITY IN THE KHANTY LANGUAGE

The article describes some of the interjections and modal words of the Khanty language. These are the modal words and interjections, which can act as parenthetical components of the sentence. The article also elucidates the other distinctive feature of this category of words: they convey expressiveness, emotionality, subjective modality. Examples are given from the texts in Kazym and Wakhovski dialects of the language. For Kazym dialect there is also the material, which is recorded by the author.

It is noted that in the Khanty language, there is a certain group of introductory words, which are mainly the modal words, though not any. These are those modal words that point to the degree of reliability of reported information, express certain emotions or attitudes, serve for establishing and maintaining contact, characterize a train of thought, point to information source. In Khanty, these are words like *alpa* 'evidently', *sorni xətl* 'what a happiness!', *vante* 'look!', *söxtijn* 'however it is possible!', *neš* '(it) appears', etc.

In the description of the isolated examples of interjections and modal words in Khanty it is registered that their entry into the phrase as an additional ("accumulating") semantic component is typically emphasized. Especially it concerns interjections, which are defined as unchangeable words serving for the expression of emotional and strong-willed reactions to reality.

As for semantics, it is also noted that interjections regularly enter into the structure of fixed collocations and phraseology units. It is revealed that these collocations have mainly expressive character. The data from informal conversations appear to confirm the main conclusions of the author.

Key words: *language modality, subjective modality, interjection, modal words, parenthetical components, Khanty (Khanty language).*

References

- Al'vy / Ä'l'vy*. Sbornik fol'klora vahovskih hanty [Collection of folklore of Wakhovski Khanty]. Compiled and translated by L. E. Kunina. Tomsk, 2005 (in Russian).
- Eliseev Yu. S. *Finsko-russko-finskij slovar'*. V serii: Malen'kie zheltje slovari ot Gummerus [Finnish-Russian-Finnish Dictionary. In series: small yellow dictionaries from Gummerus]. Jyväskylä, 1999.
- Filchenko A. Prosodika i pragmatika vostochno-hantyjskih narrativov [Prosody and Pragmatics of Eastern Khanty Narratives]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 9 (111) (in Russian).
- Lankin V. Variativnost smysla i tipologija kultur [Variation in meaning and cultural typology]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 11 (113) (in Russian).
- Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Editor in chief V. N. Yartseva. Moscow, 1990 (in Russian).
- Potanina O. Projavlenija jazykovej attricii v rechi nositelej vostochnyx dialektov hantyjskogo jazyka [Signs of language attrition in Eastern Khanty]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, vol. 2 (2) (in Russian).
- Puträt*. Rasskazy dlja chtenija na hantyjskom jazyke (kazymskij dialekt) [Puträt. Stories for reading]. Khanty-Mansiysk, 1994 (in Khanty).
- Sirotnina T. A. *Sovremennyj anglo-russkij i russko-anglijskij slovar': 100000 slov* [Modern English-Russian and Russian-English dictionary: 100000 words]. Moscow, 2005 (in Russian).
- Sengepov A. M. *Kasum iki putrat* (Rasskazy kazymskogo starika) na hantyjskom jazyke (kazymskij dialekt) [Kasum and putrat. Stories of Kazym old man]. St. Petersburg, 1994 (in Khanty).
- Vinogradov V. V. *Russkij jazyk* (Grammaticheskoe učenje o slove) [The Russian language. Grammatical teaching about the word]. 4th ed. Moscow, 2001 (in Russian).

Kaksin A. D.

Katanov Khakass State University.

Ul. Lenina, 92, Abakan, Republic of Khakasia, Russia, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru